

Фабрика сумасшедших

ПАМФЛЕТ

Качалка была скрипучая, старая-престарая. Художник откопал ее в лачуге одного нищего, с которого писал когда-то капитана Флинта.

Его влекли к себе старые вещи. Нет, не те самодовольные аристократы, которые красуются в антикварных магазинах. Их драгоценные отполированные инкрустированные поверхности поблескивают холодно, как монокль в глазу высокопоставленного немца. Весь их вид не допускает и мысли о какой-то фамильярности. Эти вещи созданы для того, чтобы им поклонялись.

Он любил другое. Продавленные диваны и кресла, пружины которых при малейшем прикосновении начинали петь на разные голоса. Расшатанные столики, на которых атели печати винных пятен. Вещи-работяги. В их голосах ему слышались голоса их старых хозяев, голоса прошедших десятилетий.

Скрип-скрип! Скрип-скрип! Скрип-скрип! Он раскачивался и прислушивался к хриплому голосу старой качалки. Возможно, лет пятьдесят-семьдесят назад в это же самое время в ней сидел какой-нибудь дядюшка Грилье. У него такой же скрипучий голос, красное

лицо и три подбородка. Он легонько покачивается и прикидывает, какие цены на вино будут в нынешнем году.

Скрип-скрип! Скрип-скрип! Скрип-скрип! На коленях художника — газета. Он еще не раскрывал ее. Не хочется читать все эти бредни. На первой странице — фото здорового кругломордого болвана в каске и с автоматом. Опять военные, думает художник, война и военные. Война возвращает человека в его первобытное состояние, срывает с него пленку морали, наложенную столетиями развития цивилизации. Но если дикарь естествен в своей свирепости, то дикость цивилизованного человека бессмысленна и оттого еще более отвратительна. Всеми поступками дикаря движут конкретные стимулы: голод, самозащита... Современный солдат-разрушитель, особенно если он избрал свой путь добровольно, должен вызывать большее отвращение, чем дикарь-людоед. Однако по странному недоразумению, каких не счесть в цивилизованном мире, дикаря презирают, а солдат вызывает восхищение.

Он нехотя перевернул газетную страницу. «Речь мэра на митинге, посвященном проводам в армию славных молодых патриотов». И тут же увидел свою фамилию. «Такие люди

вредны для нации, как заразная болезнь. Своими картинами (например, «Жизнь человеческая»), своими пацифистскими высказываниями они поселяют в народе пессимизм, неуверенность. И это в тот момент, когда враги отечества готовы напасть на нас...» Дальше он читать не стал. Все это было давно знакомо.

Однако как им ненавистна моя картина, подумал художник. Год уже прошел. А все помнят. Он взглянул на противоположную стену. Темное сырое ущелье. Еле приметная коричневая тропка ведет из него вверх. По тропке поднимается маленькая девочка в белом платье. Она настолько хрупкая, что кажется, просвечивает насквозь. Девочка запрокинула лицо и смотрит вверх, туда, где далеко-далеко сияет кусочек густо-синего неба. А над ней нависла гигантская черная птица с хищным клювом и красными глазами. Крылья птицы заслонили все небо, кроме того маленького кусочка. Но девочка не видит этого. Он назвал картину «Жизнь человеческая». Тогда, после выставки, в его доме выбили все стекла. Он получал десятки писем с порицанием и угрозами. И все же... Все же десятки людей хотели купить его картину. Только он не продал.

Художник машинально листал газету, скользил глазами по заголовкам. «Моды...», «Профессор... о возможности связи с другими цивилизациями», «Встреча президента...», «Новые бесчинства хунвейбинов», «Бесследное исчезновение девяти человек». Он начал читать. Он читал в газетах только уголовную хронику. Здесь, по крайней мере, не было фальши. Сообщение оказалось любопытным. За последнюю неделю исчезли хозяин универсального магазина и его дочь, мусорщик, врач, нищий, муж и жена, школьные учителя, страховой агент и шофер автобуса.

Никаких следов полиции обнаружить не удалось. Конечно, для столицы такое сообщение вряд ли явилось бы сенсацией. Но в маленьком провинциальном городке...

Он представил себе, как добропорядочные жители сейчас сосредоточенно звякают тройными запорами, как они ощупывают каждую ставню, как вздрагивают и бледнеют, если в комнату бесшумно входит их раскормленная кошка. Представил и засмеялся.

Это немного развлекло художника. Он любил представлять добропорядочных самодовольных граждан испуганными, неуверенными. Они ведь так уверены во всем. В правительстве, в своей жене, в безукоризненности своих вкусов и привычек, в незыблемости окружающего мира. Ах, как восхитительно увидеть их растерянными и колеблющимися.

Вечер пустой и тоскливый. Может быть,

сходить куда-нибудь выпить? Но там толпа, шум, распаренные самодовольные морды. Обязательно объявятся какие-нибудь знакомые, будут лезть с идиотскими разговорами. Нет уж, увольте! Лучше посидеть так.

Скрип-скрип! Скрип-скрип! Скрип-скрип! Он покачивался, прикрыв глаза, и старался ни о чем не думать. Возможно, удастся задремать.

Противно завизжал телефон. Задремлешь тут! «Звони, звони,— подумал художник,— позвонишь и перестанешь». Но телефон не смолкал. Художник начал подрагивать от злости.

— Меня нет дома! — крикнул он.

Но это, естественно, не произвело на телефон никакого впечатления. Он неистовствовал.

Терпеть дальше стало невозможно. С рычанием выпрыгнул из качалки. Сорвал трубку.

— Какого дьявола...

— Привет,— он услышал низкий женский голос.— Что ты подельываешь?

— Это никого не касается!

— Ты не слишком любезен. Впрочем, великому художнику простительно.

Он успел немного успокоиться.

— Ладно, что надо? — проговорил он уже более миролюбиво.

— Я хочу с тобой встретиться.

— Кто говорит?

— Ты меня не знаешь.

— А для чего нам встречаться?

В трубке послышался смехок.

— Странный вопрос

для такого мужчины, как ты... Буду ждать тебя до утра на вилле «Аленький цветочек»... Если не придешь, будешь жалеть. Возможно, всю жизнь, Художник положил трубку и опять забрался в качалку. Черта с два он куда-нибудь пойдет. Скрип-скрип! «Аленький цветочек». Это же вилла мэра! Забавно. Кто бы мог назначить ему свидание в таком месте? Нет, никуда он не пойдет. И думать об этом нечего. Не то настроение. Скрип-скрип!

Но не думать о таинственном звонке он уже не мог. Художник был склонен к авантюризму. Его влекло к себе все, что имело привкус необычного. Он любил забираться в такие притоны, куда полиция боялась и нос сунуть, где кулак или нож являлись столь же естественными компонентами разговора, как и язык. Он пил с бандитами какую-то вонючую дрянь и с острым интересом наблюдал их мрачное и обреченное веселье.

Этот разговор чем-то непохож на другие подобные. Может быть, место встречи? Чертовски забавно было бы провести ночь с девочкой на вилле старого ханжи.

Художник все еще убеждал себя, что не тронется с места, но он уже знал: пойдет, непременно пойдет на это свидание. Ни за что не удержится.

Часы показывали половину одиннадцатого, когда он вышел из дому. Недавно прошел дождь, и художник вздрогнул от пронзительной свежести. Тротуар влажно поблескивал. В нем отражались редкие неоновые рекламы. Художник обратил внимание, что большинство из них — красные. Их отражения

багрово туманили блестящую поверхность тротуара и походили на свежую кровь, которая дымными клубами расходится в речной воде.

На улице удивительно тихо. Вообще-то город всегда рано засыпал. Но сегодня тишина стояла особая, тревожная. Даже ни одного пьяного не встречалось. Ни одного освещенного окна. Казалось, даже дома зажмурились от страха перед неведомым.

Он прислушивался к звуку своих шагов, необычайно громкому, и усмехался. Наверное, обитатели притаившихся домов сейчас тоже прислушиваются, еле дыша от ужаса. Вдруг шаги смолкнут около них. Нет, дальше.

Художнику чудилось, что дома передают страх, как эстафету.

Улица закончилась. Дальше между холмов петляло широкое шоссе. Холмы были круглые и гладкие, как головы членов муниципалитета.

Художник поднес к глазам циферблат часов. Одиннадцать. Уже слышалось шипение морских волн. Вилла «Аленький цветочек» находилась в нескольких десятках метров от берега.

Высокая, гладко оштукатуренная стена. Тяжелые чугунные ворота, Маленькая калитка.

Он впервые задумался о том, как он попадет на виллу. Лезть через стену — смешное занятие. Да тут не очень-то и влезешь. Ни единого выступа, в который можно вцепиться. Впрочем, его ждут. Сильно толкнул калитку. Она оказалась массивной, но податливой. От толчка шваркнула о стену... До последней минуты художник подсознательно

ожидал, что все приключение окажется шуткой кого-то из приятелей. Он гнал от себя подобные мысли, но... Однако, судя по всему, ни о каких шутках не могло быть и речи. В такое время калитка мэра не заперта!

Он вошел и окунулся в непроглядную тьму. Верхушки деревьев сплелись так плотно, что сквозь эту естественную крышу не проникал даже лунный свет. Под ногами еле слышно шуршал мелкий морской песок. И было тихо, как на кладбище. В конце аллеи вырисовывались неясные контуры белого дома.

Его удивило, что ни в одном окне нет света. Может быть, все-таки шутка? И тут он заметил, что дверь чуть-чуть приоткрыта. Почтенная дубовая дверь. Такие двери непременно запираются на ночь, иначе какой в них смысл! И вот она не заперта, даже приоткрыта. Ровно настолько приоткрыта, чтобы заметить, подойдя вплотную. Подумалось, что, если, несмотря на все несообразности, господин мэр спокойно спит в своей постельке, за подобное вторжение не миновать отсидки. И потянул дверь к себе. Она завизжала преотвратно. Так визжит обыватель, когда у него отбирают какую-то из его иллюзий. Художник шепотом обругал хозяев, которые не имеют привычки смазывать петли дверей, и вступил в вестибюль. Пришлось чиркнуть зажигалкой, так как здесь еще темнее, чем во дворе, и он сразу же напоролся на какой-то стул. Больно ушиб коленку и нашумел, что было уже совсем излишне. Однако эта мадонна не торопится навстречу! Хилый огонек за-

жигалки не мог рассеять тьму. Она лишь немного отпрянула и затаилась кругом, ожидая своего часа. В доме стояла гнетущая тишина, какая бывает в покинутых помещениях. Художник повел огоньком по сторонам. Вот он, выключатель. Кнопка щелкнула. Этот щелчок прозвучал в пустом вестибюле громко, как выстрел. Свет не загорелся.

Художник начал злиться. Он уже абсолютно уверовал в предстоящее свидание, и нелепые шутки девицы, которая могла встретить его здесь и не встретила, хоть кому бы пришлось не по вкусу. Блуждай теперь в потемках, ищи эту дуру.

Первая комната, в которую он попал, оказалась библиотекой. При слабом свете зажигалки художник увидел запыленные корешки на полках. Судя по всему, книги давно никто не трогал. Внезапно он ощутил запах дорогой сигары. Нет, это не был холодный застоявшийся табачный запах, какой бывает в прокуренных комнатах спустя длительное время после ухода людей. Курили здесь совсем недавно, может быть, минуту назад. Художник стремительно обернулся. В комнате — никого. В доме по-прежнему тихо.

Он сделал несколько шагов и увидел на полу две постели. Они выглядели так, будто спавшие на них люди были грубо разбужены и в панике бежали. Одеяла скомканы и отброшены в сторону. Измятые, сдвинувшиеся на бок простыни... В остальном комната имела абсолютно заброшенный вид.

Художник

почувствовал смутный страх. Все эти чудеса мало подходили к обстановке любовного свидания. Но он тут же высмеял себя. Не видал он заброшенных домов! И если кто-то и подстроил ему ловушку, этот человек крупно пожалеет. Художник в случае надобности мог отделать и пятерых. Такое уж бывало.

Нет, решил он, надо во всем разобраться до конца, и прошел в следующую комнату, кабинет. И здесь его встретило запустение, и здесь свежие постели на полу носили следы поспешного бегства.

Так прошел он весь дом. И везде заставал одну и ту же картину. И везде его преследовал запах сигарного дыма, словно кто-то шел впереди.

Осмотрев последнюю комнату, художник понял, что свидание все-таки не состоялось. Он, правда, не побывал в подвале. Но ни одна идиотка не станет ради шутки прятаться в таком месте. И потом, эти странные постели... Табачный дым... Придется уходить. Он был в недоумении.

Зажигалка еле дышала. Наверное, бензин кончался. Художник вошел в спальню и, непроизвольно взглянув на постель, увидел, что там кто-то лежит. Несколько минут назад было пусто, а сейчас... Так вот где вы, мадам! Однако, где же вы находились до сих пор? Шагнул к постели и увидел... хозяина универсального магазина. Он лежал в белой рубашке и голубых брюках, каких никогда не носил. Горло почтенного торговца пересекала огромная рваная рана, на которой уже запеклась кровь. Повинуясь безотчетной мысли, худож-

ник направил свет на другую постель и увидел труп дочери зарезанного. На шее ясно видны отпечатки нечеловечески больших пальцев.

По спине художника побежал холодок.

Откуда взялись эти трупы? Ведь он не слышал ни малейшего шороха.

Он бросился в кабинет и увидел врача и мусорщика. У одного был разможен череп, у другого торчала из груди рукоятка кинжала.

Художник бежал из комнаты в комнату. Совсем недавно пустовавшие постели оказались занятыми. Здесь находились все исчезнувшие горожане, умерщвленные самыми разнообразными способами.

В вестибюле перевел дух. Чертовщина какая-то! Ай да господин мэр! Вот так лазарет! Неприятно, конечно, а все-таки придется брякнуть в полицию.

Он подошел к телефону, висящему на стене. Протянул руку к трубке и тут же отдернул. Стоп! А для чего понадобилось все это демонстрировать ему? Может быть... Ну, разумеется, он вызовет полицию, которая его же обвинит в убийствах. Ловко! Нет, он не такой дурачок. Он сейчас уберется отсюда... А следы! Он же везде ходил, брался за ручки дверей... Ловушка. Ловушка, из которой нет выхода...

В этот момент кто-то коснулся плеча художника. Тот отпрянул в сторону, и обернулся... Художник был человеком с крепкими нервами. Но тут он чуть не заверещал от ужаса, как верещат слаонервные женщины при виде змеи.

Умирающий огонек зажигалки осветил лицо хозяина универсального

магазина. Того самого, который только что лежал с перерезанным горлом. Он некоторое время смотрел на художника круглыми неподвижными глазами, потом вежливо осведомился:

— Скажите, друг мой, вы — водопроводчик?

На его шее не было никаких следов ужасной раны.

Художник подумал, что сходит с ума.

— Значит, вы не водопроводчик. Очень жаль. Я давно жду.

— Дьявольщина,— пробормотал художник.

К нему подошла задушенная девушка. Пристально посмотрела в лицо, покачала головой и молча отошла в сторону.

— Дья...

Его сзади схватили за руки. Вырвали зажигалку. Прежде чем она погасла, художник повернул голову и увидел всех мертвецов. Рванул. Но его держали крепко. В темноте слышалось только хриплое дыхание и шарканье ног по мраморному полу. Художник выдохся и прекратил борьбу.

— Какого черта вам нужно?— прошептал он.

— Нам приказали,— ответил голос.

— Кто приказал?

Кто?

Сами собой вспыхнули электрические люстры.

— Я приказал.

В вестибюле стоял маленький человек с огромной головой на тонкой шее. Совиные глаза казались еще больше под стеклами очков. Черные усы лихо закручены. Во рту сигара. Запах именно этой сигары чувствовался в доме.

— Господин мэр!— воскликнул художник.

Маленький человек подошел к нему вплотную. Огорченно покачал головой.

— Не поддался, — пробормотал он. — Впрочем, я так и предполагал. Подобные типы не поддаются.

— Так вы не хотите быть в числе моих слуг? — спросил мэр, как бы проверяя себя.

— Я хочу только одного: пощупать твою печенку! — взревел художник, который успел прийти в себя.

— Не поддался. Все поддавались, а он — нет. Придется его, — мэр сделал жест пальцами, символизируя выстрел.

Псих, подумал художник. Покосился на оживших мертвецов. А, может быть, он сам псих. Мертвецы продолжали крепко держать его. И откуда такая сила у таких хилаков? Из этой компании без хитрости не выберешься.

— Прежде, чем вы меня кокнете, я хотел бы понять, что тут происходит?

Мэр быстро закачал тяжелой головой.

— Нет, нет... А впрочем... Вы же все равно не выйдете отсюда... Если вы дадите слово не убивать меня... Впрочем, это вам не удастся...

Художник почувствовал, что его руки свободны. Мертвецы один за другим скрылись за маленькой дверью, которой он раньше не заметил.

— Прошу в кабинет, — любезно произнес мэр. — Там мы спокойно побеседуем, — он держал в руке большой револьвер.

Они прошли через ярко освещенную библиотеку, там не оказалось ни трупов, ни даже постелей на

полу.

— Нет, не сюда. Будьте любезны — на диван. Так нам будет удобнее, — сказал мэр, когда художник хотел опуститься в кресло у стола. — Вот так, замечательно.

Художник увидел, что ствол крупнокалиберного револьвера смотрит прямо ему в живот. Если этот тип случайно спустит курок, то уже никакие хитрости не помогут.

— Итак, — сказал мэр, развалившись в кресле. — В чем суть моей системы? Во главе стою я — Хозяин.

— Хозяин чего?

— Мира, —

невозмутимо ответил маленький человек. Он продолжал слюнявить большую сигару и поэтому не совсем четко произносил слова. Сигара уж основательно раскисла.

«Ясно, — подумал художник, — он определенно тронулся. Вот что получается, когда человека выбирают мэром пять раз подряд».

— А зачем вам мир? — спросил художник без сарказма.

— Мне? — мэр презрительно усмехнулся. — Мне он ни к чему. Это я нужен миру.

— За каким дья... мне хотелось спросить, зачем вы нужны миру?

— Чтобы организовать его. В мире нет порядка... Кое-кто пытался, что-то сделать, например, мои предшественники.

— Но они действовали кустарно, — продолжал мэр. — Грубо действовали. Ну, уничтожили по несколько миллионов человек, ну, запугали еще больше. А толку-то. Все равно находятся такие, вроде вас, которые рассуждают... А

это прямая угроза системе... И все кончается плохо... Потому что они не знали точно, кого нужно уничтожить, а кого нет. Вслепую работали.

— А вы?

— Я нашел великое средство. Людям нужен Хозяин. Люди сами не знают, что им надо. Посмотрите, как счастлива собака, умирающая за своего хозяина. А людям свойственны всякие сомнения, колебания. Это плохо и для системы и для самих людей. Я решил вернуть им счастливую возможность не рассуждать. Попутно выявляются экземпляры, вроде вас, которые не поддаются. Таких, разумеется, придется ликвидировать. Но процент, как видите, весьма невелик. Один из десяти.

Художник слушал весь этот бред со смешанным чувством страха и облегчения. Значит, он сам все-таки нормален.

— Но как вы делаете?

— Что?

— Мертвецы и прочее...

— Обыкновенный гипноз. Никаких мертвецов не было. Это прием, конечно, не новый. Разве наши политики, газеты делают не то же самое? Только я действую наверняка. Люди видят мертвецов, потом мертвецы оживают... Люди становятся послушными...

— Так вы решили сделать всех сумасшедшими?

— Если вам угодно употреблять это грубое и весьма приблизительное слово, да. Но коли все, как вы изволили выразиться, станут сумасшедшими, то это превратится в норму.

Все беды от различий. Люди должны стать одинаковыми.

— А вы сами?

— Я — Хозяин. Я должен отличаться от слуг,— маленький человек самодовольно усмехнулся.

Художник вспомнил одну из работ Гойи, копия которой висела у него в комнате. «Сон разума порождает чудовищ». На переднем плане, уронив голову на стол, спит человек. А вокруг него летают, сидят, лежат странные создания, в звериных мордах которых проглядывает что-то человеческое. Крючковые клювы, большие круглые глаза, перепончатые крылья. И все же что-то человеческое...

Мэр глядел на него большими круглыми глазами через стекла очков и говорил:

— Все люди станут моими слугами. Они будут жить в золотом веке. Будут работать, воевать, умирать, не зная страданий.

Художник жестко посмотрел в стеклянные глаза.

— У вас не хватит времени. Вы умрете раньше, чем осуществите весь этот бред.

— А мои последователи? Моя идея встретит у них понимание и поддержку. Ведь они стремятся к тому же. То, что я делаю сейчас, маленький эксперимент. Хочу обработать наш город. Потребуется два года, а затем...

— Но как же вы заманиваете свои жертвы?

— О! Для этого есть десятки способов, мне кое-кто помогает.— Хозяину магазина сообщили, что его ждет выгодная сделка. Его дочка прибежала, как и вы, на свидание. Врача вызвали к больному. Люди глупы и доверчивы. Они идут ко мне

сами. И остаются. Вы тоже пришли сами. Только не поддались.

Художник вспомнил о странном составе клиентов.

— По какому признаку вы... подбираете людей?

— По алфавиту. Я исчерпал всех на букву А. Поэтому настала ваша очередь.

Художника заворожила страшная методичность и деловитость. Он расспрашивал мэра внешне спокойно, как будто речь шла о подробностях некоего совершенно обыденного предприятия. А душу его сжимал холодный ужас перед этим маньяком, который слишком хорошо знал, чего он хочет и как добиться желаемого. Вдруг такой получит большие возможности? Может получить. Подобные люди энергичны и напористы, они не знают сомнений и очень часто добиваются успеха. Человечество не научилось ограждать себя от них. Миром правят недоверие, страх и жадность.

Протяжный вопль разнесся по дому. В нем была звериная тоска, ярость, в нем не было ничего человеческого.

— Что это значит?— пробормотал мэр. Вопль повторился. Еще и еще. Звучал уже целый дьявольский хор. Художника начала бить нервная дрожь. Мэр тоже побледнел.

Раздался беспорядочный топот многих ног. Топот приближался. Вот совсем рядом. И новый вопль.

Художник хотел вскочить, но дуло револьвера по-прежнему смотрело ему в живот.

— Уберите пистолет!

— Чтобы вы скрылись? Не выйдет. Я сейчас усмирю эту банду, и мы продолжим беседу.

Бывшие мертвецы ворвались в кабинет. Их глаза сверкали безумием.

— Вот они где спрятались!

Мэр, не отводя пистолета от художника, уставился на взбесившуюся толпу немигающим взглядом. Никакого впечатления. Они подступали все ближе. Правда, двигались очень медленно, напоминая вышедших из повиновения зверей.

— На место!— крикнул мэр.

Безумцы рванулись вперед. Выбитый пистолет отлетел в угол. В несколько секунд мэр оказался привязанным к креслу какими-то ремнями. Художника сжимали железные руки. Он близко видел пустые глаза и покрытые пеной искусанные губы.

— Что вы хотите?— спросил художник, хотя рассчитывать на ответ в такой ситуации было нелепостью. Но ему ответили.

— Мы приготовим из вас сочный бифштекс,— крикнул мусорщик.

— Бифштекс, бифштекс! Мы давно не ели бифштекса!— загалдели остальные.

Мэр корчился в кресле, забыв о своей гипнотической силе, вопил:

— Отпустите меня сейчас же! Обезьяны! Кретины!

Художник лихорадочно искал выход. А выхода не было. Глупейшая смерть быть изжаренным сумасшедшими.

Страховой агент

ощупывал мэра.

— Жи-ирный!—

восторженно орал он.

Мусорщик точил друг

о друга два больших

ножа. Жжик! Жжик!

Жжик!

Откуда они взяли ножи? Ах, не все ли равно. Важно, что этими ножами тебе скоро перережут глотку. Самым натуральным образом, без всякого гипноза. Думай, думай. Времени чертовски мало.

Жжик! Жжик! Жжик!

Думай! Думай!

Стоп! Художник

вспомнил, как один приятель, психиатр, рассказывал о подобном случае. Надо рискнуть.

— Послушайте, друзья,— как можно спокойнее сказал он.— Бифштекс замечательная штука. Но как же вы будете готовить его без зелени?

Безумцы озадаченно посмотрели друг на друга. Даже мусорщик перестал жжикать ножами.

— Верно!— воскликнул врач.— Пошли за зеленью!

— За зеленью! За зеленью!

Комната мгновенно опустела.

Первым движением художника было освободить мэра от пут. Он уже взялся за конец ремня. Но тут же остановился.

— Ну, что же вы!— мэра напрягал все силы, чтобы вырваться.— Нельзя терять ни секунды. Они сейчас вернуться.

Времени, действительно, терять было нельзя. Художник прекрасно понимал это. И все-таки стоял, опустив руки. Он думал.

Да, прекрасное правило — брось веревку

утопающему, спаси ближнего. Все это очень гуманно. Но всегда ли надо поступать так? Нет ли исключений? Очевидно, есть. Пусть этот человек пожнет то, что посеял. Художник направился к двери.

— Освободите меня!

— завопил Хозяин мира.

Художник обернулся.

— Вы же мечтали пожить в обществе, населенном только безумцами. Наслаждайтесь.

Еще шаг к дверям.

— Вы поступаете негуманно,— прохрипел мэра, почувствовав, что дела совсем плохи.

— Гуманизм?! Вы, оказывается, знаете такое слово!

Художник вышел из кабинета. Он услышал, как мэра снова завозился в кресле и крикнул:

— Вы губите мир, отнимая у него меня!

Быстро пробежав через библиотеку, он выглянул в вестибюль. Там пусто. Еще несколько шагов. В глубине дома слышатся возбужденные голоса. Художник рванул дверь...

Был тот час, когда ночь уже закончилась, а утро еще не наступило. Небо почти не приметно посветлело, окружающие предметы вырисовываются более отчетливо. Еще спят птицы, еще все спят. Но утро близится.

Художник обернулся. Там, позади, расплзлось багровое пятно. Горела вилла «Аленький цветочек».

Он подавил в себе желание вернуться и зашагал дальше по узкой тропинке, которая извивалась между холмов, круглых и гладких, как головы членов муниципалитета, К морю.